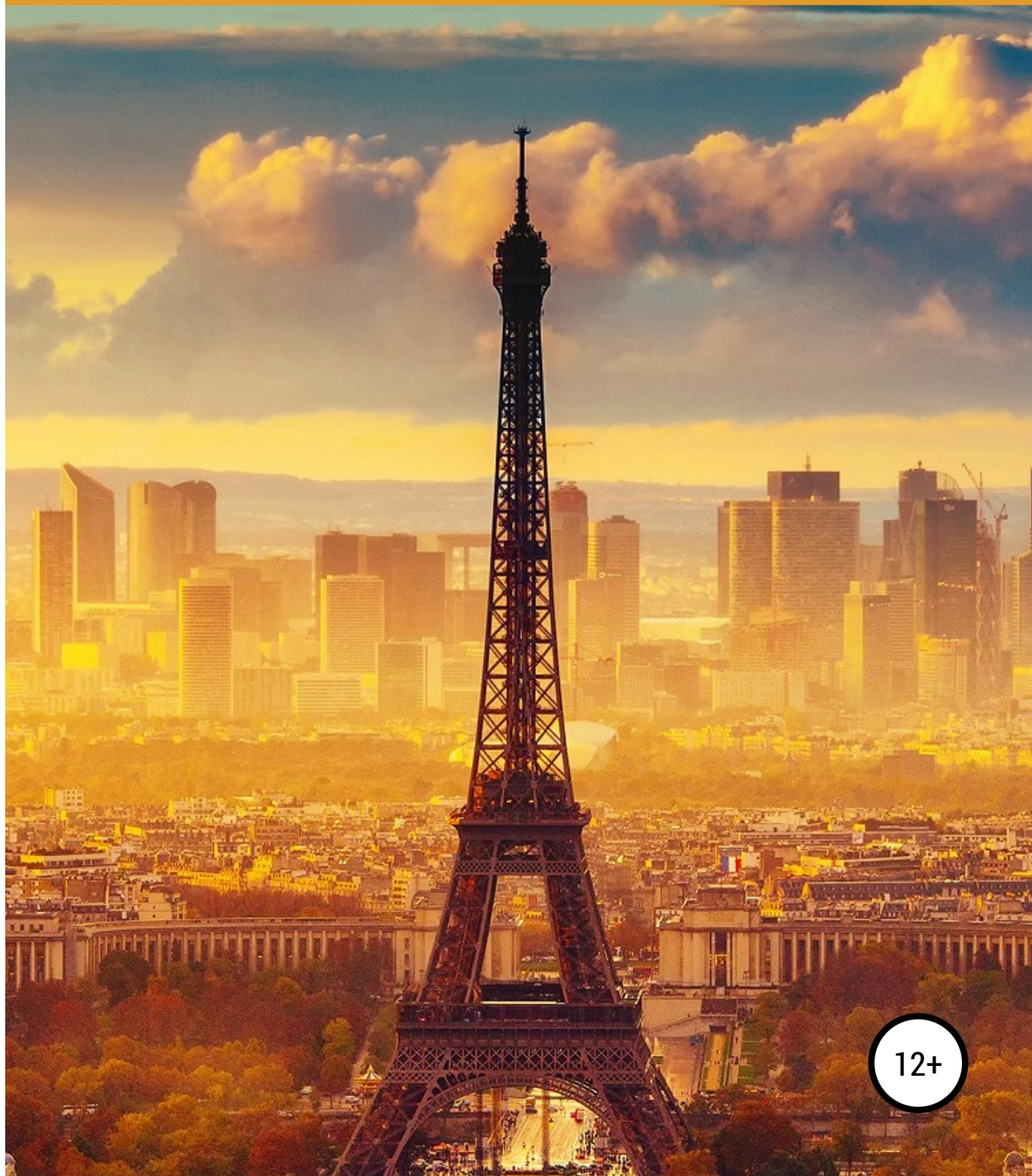

Ирина Львовская

Услышь меня, Господи

12+

Ирина Львовская
Услышь меня, Господи

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Львовская И.

Услышь меня, Господи / И. Львовская — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Его последняя мечта - покаяние. Придя к Богу перед смертью он просит не о любви или грошовой помощи, о прощении.

-Боже мой, как же обманчива жизнь в пятьдесят пять лет! Как трагически обманчива разница между тридцатью годами и пятьюдесятью пятью. Всего лишь двадцать пять лет, и ты чувствуешь себя таким же, как в тридцать, только чуть старше, быть может, чуть больше. Но жизненные силы хлещут через край, ты полон безумной энергии, далёких планов. Следующие двадцать пять представляются теми же, что прошли с тридцати лет. Ты, по-прежнему, полон сил, чтобы справиться с бытовыми делами, обслужить себя, и самое главное, постоять за себя. Ты веришь, что твоих физических сил хватит на себя, ты ни в ком не будешь нуждаться. А потом наступит спасительная смерть, благосклонно дарованная милосердными небесами! Смерть кажется такой лёгкой, такой обыденной. Ты просто упадёшь или ещё лучше уснёшь, чтобы никогда не просыпаться! Меньше всего, ты думаешь о том, что спустя два десятка с небольшим лет наступит самая настоящая презрительная старость с тем ужасным набором угасающих жизненных функций, когда встать с постели станет подвигом, и ты превратишься, в неприятную самому себе, грязную развалину. – Иннокентий Петрович ощутил во рту застывшую липкую слюну, и преодолевая навалившуюся слабость выплюнул на пол сгусток мокроты с нитками крови, тягучая слюна повисла на сине фиолетовых губах. Слезившиеся глаза дрогнули и открылись. В первые секунды он пытался различить мутный свет, заполненный лишней влагой, мешавшей рассмотреть обстановку. Спустя мгновение Иннокентий Петрович увидел перед собой серо белую грязную стену давно не беленой комнаты.

Изнеможённое заплутавшееся сознание медленно возвращалось к нему, вернувшись ровно на тех мыслях, на которых он ушёл в небытие три дня назад. Горькие думы привычно крутились в последнее время в голове, ставшие его эхом повседневных размышлений, которые он никому не мог рассказать. Иннокентий Петрович увидел себя, лежащем на грязном полу в старом выходном костюме, который он неизменно надевал, надеясь на встречу с внуком. Внезапно зверский загрудинный кашель словно разорвал лёгкие, причинив дьявольскую боль. Изношенное сердце толкнулось в болезненной груди. Страшная боль судорожно прошла по ослабшему телу старика. – Ну вот и все. Это конец. Поскорее бы.– про себя подумал Иннокентий Петрович. Он не боялся смерти. Жизнь стремительно подходила к концу, утекая капля за каплей. Иннокентий Петрович с благодарностью ждал конца, устав от собственной ноши. Он не жалел о себе, зная наперёд, что его тело сначала прогниёт, растревоженное мелкими белыми червями, а потом соседи спохватятся одинокого старикашку, вынесут в нищемзакрытом гробу, едва стянутом расползающейся красной тряпкой, покрывающей грубую плохо выстроганную доску. Иннокентий Петрович через силу дотянулся до губ, стянутых горькой ухмылкой и вытер тягучую противную пену у венозного рта.

Лишенный каких бы то ни было красок скучный январь дрожал за оконным стеклом. Скучный солнечный свет освещал грязную пропахшую комнату с серыми стенами с содранными обоями, где крошилась отстающая штукатурка. В полы въелась многолетняя грязь, когда человек через силу на старой швабре скрёб некрашенный пол, а грязь въедалась все больше и больше. Хотя слоями лежала белесая пыль на мебели, подоконнике, но в небольшой комнате не было беспорядка, в глаза настойчиво бросался педантичный порядок, где каждая вещь стояла на своём законном месте.

Старик лежал на полу, его рука беспомощно вгрызалась в грязный пол рядом с опавшей взметнувшейся штукатуркой. Ядовито жёлтая струйка текла от штанов Иннокентия Петровича, распространяя смрадный запах. Он не сумел доползти до кровати на четвереньках, рухнув почти около входной двери. В двух шагах валялось прохудившиеся пальто с истерзанным молью подкладом, который почти уже не грел, рядом была брошена дырявая меховая некогда дорогая норковая шапка. Довершали картину скинутые валенки в разные стороны, прошитые чёрной драгмой. Сколько раз за последние годы он неоднократно самостоятельно чинил про-

худившиеся валенки? Скучной пенсии не хватало на покупку новых валенок с прорезиненной подошвой. Все полученные деньги от государства уходили на любимого чёрного кота.

Он лежал на боку в своём неизменном костюме недалеко от двери. Сумев только с трудом дойти до своей комнаты, стянуть изношенное как он сам старое пальто, присесть около входа, захлопнуть дверь, а потом потерять предательское сознание. И уже без сознания завалиться на бок. По полу тянуло зимней стужей, просочившейся сквозь деревянные окна. Стоял злой новогодний месяц, что выбеливал улицы, выглаживая асфальт, дышал ледяной смертью. Предельно низкие температуры властвовали над опустевшим городом. В самый лютой мороз не хватало тепла от старой батареи, которую в этом году ему обещал покрасить сосед, часто уходящий в запой.

Иннокентий Петрович лежал, его всклокоченные засаленные волосы касались деревянных плах с коричневыми проплешинами пола. Рядом с ним сидел вылизанный ухоженный кот, прикасаясь к вспотевшей от изуверского жара голове. Кот сидел настороженно, всматриваясь в неподвижное лицо любимого хозяина. Иногда он с жалобным мяуканьем тихо касался руки едва дышащего лежащего человека и ничем не мог ему помочь. Он привставал каждый раз, когда скрипучий кашель пронзал немогущее тело Иннокентия Петровича, словно пытаясь взять часть его боли себе. Тревога отображалась на чёрной морде кота.

Единственное живое существо, находящееся рядом с одиноким стариком.

Блёлый день робко смотрел на безмолвную трагедию за закрытым окном, где весь мир был глух с умирающему старику в окружении единственного благодарного кота.

– Милый ты мой, – Иннокентий Петрович дрожащей рукой нашарил дородного красивого кота. Кот доверчиво вложил свою мордочку в его ладонь, тыкаясь влажным носом. – Голодный, – с жалостью произнёс старик, глаза наполнились предательской влагой, из-за которой его и без того слезящиеся глаза переставали видеть. – Сейчас я встану и тебя накормлю, – прошептал Иннокентий Петрович.

А смерть сидела на нем. Мучительная, страшная, долгая. И пытливо смотрела в его глаза, настороженным испытывающим взглядом.

Он не мог подняться, чтобы накормить отощавшего, как он думал кота. Только шаркающий кашель, похожий на острие нескольких кинжалов больно ранил грудную клетку, словно вырывая все внутренности, жестокие спазмы сотрясали его, держали старика за истерзанное горло. Иннокентий Петрович выкручивался на полу, хватаясь изломанными чёрными ногтями в стену, оставляя на ней неровные борозды. На пальцах оседала ломкая известь.

Сердце сдавила смертельная тоска, которая прижимала его к земле, не давая свободно уйти, его последнее самое сильное желание. Встать перед выросшим внуком на колени, поцеловать натруженные маленькие руки Ларисы, что одна без чьей либо помощи вырастила его внука, попросить прощение. Ничего больше было не нужно. Не нужно было любви или грошовой помощи. Только перед смертью прошептать скудное искреннее прости. Но он умрёт отверженным, презираемым, одиноким стариком.

– Господи, ты творишь такие чудеса. А мне бы только сказать прости, свидеться с ними на одну минутку перед смертью. Услышь меня, Господи, – тихо прошептал старик. Рука предательски дрожала, срывая пуговицы рядом с горлом, чтобы облегчить трудное дыхание. Скрюченный жалкий старик даже не подозревал, что пролежал три дня. То возвращаясь, то вновь пропадая в путанных лабиринтах своего сознания. Время смешалось, было похоже то на час, то на целую вечность. Только боль становилась все мучительней, всю властвовала его беспомощным телом, выжигая внутри кованым железом.

Три дня назад Иннокентий Петрович трясущийся, с пробивающим ознобом едва дошёл до дома. Уже на последнем издыхании завернул в магазин, чтобы купить единственному родному существу еду и молока. Он постоянно тратил бешеные деньги на уход за путающейся шерстью кота, на витамины, на лучшую еду, прививки. Вечерами, вернувшись со своего

поста рядом с организацией внука, старик вычёсывал лоснившуюся глубокого иссиня чёрного цвета шерсть коту, названного Пашей. Паша благосклонно стоял, позволяя специальной щёткой, которых у Иннокентия Петровича было несколько штук, доводить и без того ухоженные волосы до ещё большего совершенства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.